

ГАЗЕТА «ЗА МАГНИТОСТРОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ УРАЛЬСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В 1932–1933 гг.

Статья посвящена свердловской газете «За Магнитострой литературы», выходившей в 1932–1933 гг. и выполнявшей функции руководящего органа в процессе перестройки литературных организаций на Урале. Газета рассматривается в содержательно-прагматическом аспекте, отмечается связь языка и направленности издания и рапповской критики. Выделяются ключевые темы и приоритетные линии, поддерживаемые руководством оргкомитета СП и подконтрольной ему газетой: работа с литгруппами в регионах и кружками на предприятиях, реализация на Урале проекта «Истории фабрик и заводов». Освещаются кампании против преподавателей Пермского пединститута и против разгромной критики ленинградского журнала «Резец».

Ключевые слова: *литературная жизнь на Урале, 1930-е гг., газета «За Магнитострой литературы», руководство литературы».*

Y. Podlubnova

THE NEWSPAPER “ZA MAGNITSTROI LITERATUREY” AS A TOOL FOR SHAPING THE URAL LITERATURE SPACE IN 1932–1933

The article is devoted to the Sverdlovsk newspaper “Za Magnitstroi literaturey” that was published during 1932–1933 and functioned as a governing body in the reconstruction process of the Ural literature organizations. The newspaper is examined in content and pragmatic aspect, the connection of language and topics with the RAPP critics. The author singles out main topics and priority lines, that were supported by the organizing committee of SP and its newspaper: work with literature groups in regions and circles at the factories, the realization of the project “The history of plants and factories” in the Urals. The companies against lecturers of The Perm pedagogical institute and the slashing critique of the Leningrad magazine “Resez” are elucidated.

Key words: *literature life in the Urals, 1930s, newspaper “Za Magnitstroj literary”, literature guidance.*

Первый номер газеты «За Магнитострой литературы», органа Уралобкома ВЛКСМ и Оргкомитета Союза советских писателей, вышел в Свердловске 28 апреля 1932 г. Появление литературной газеты, имеющей амбиции управлять региональным литературным движением (Свердловск в это время был центром внушительной по географии Уральской области), было обусловлено целым рядом процессов, носящих как всесоюзный, так и локальный характер. В частности, после массивной критики «правооппортунистической и троцкистской деятельности» секретариата УралАПП, прозвучавшей в том числе на Пленуме правления УралАПП в декабре 1931 г., Уралобком принимает постановление от 4 января 1932 г., в котором отмечается, что «руководство УралАППа в лице Н. Андреева и И. Панова вело двурушническую политику обмана партийной организации, пыталось дезориентировать пролетарское литературное движение на Урале, создавая внутри руководства обстановку катастрофической изолированности, зажима самокритики» [Архив ОМПУ, фонд И. С. Панова, оп. 1, д. 32, л. 69; Постановление ..., с. 1]. И. Панов, Н. Андреев снимаются с руководящих должностей. Руководителем УралАПП назначается Н. Харитонов, перед которым ставится задача перестроить работу организации. В первом номере свердловского литературно-художественного журнала «Штурм» за 1932 г. Н. Харитонов помещает статью с лозунгом «Оправдать звание ударников Магнитостроя литературы», где пишет: «Уральской организации пролетарских писателей придется проделать огромную работу для того, чтобы стать на уровне тех задач, которые поставлены перед ней партией, гигантским разворотом социалистической стройки на важнейшем участке Урало-Кузбасса» [Харитонов, с. 8].

Под руководством Н. Харитонova уже 21 февраля 1932 г. в Свердловске проходит слет ударников пролетарской литературы. О масштабах мероприятия свидетельствует тот факт, что на него были приглашены 50 секретарей районных комитетов ВЛКСМ, более 20 представителей районных газет, гости со всего региона. Показательно, что в своем выступлении на слете Н. Харитонов предложил вызвать пролетарских писателей Сибири на творческое соревнование в рамках литературного

конкурса ВЦСПС и ВОАПП на лучшее произведение к 15-летию Октября [Урал-Сибирь-Кузбасс, с. 1]. Тем самым он озвучил обновленный курс УралАПП на обслуживание производственного заказа эпохи с ее идеей объединения производственных мощностей Урала и Кузбасса и создания второй угольно-металлургической базы в стране. Что же удивляться, что вскоре организованная литературная газета получила производственное название?

Однако «Магнитострой литературы» как прагматически ориентированная метафора вовсе не был уральским изобретением. Название газеты повторяло лозунг, выдвинутый членом Политбюро ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановичем и широко подхваченный РАПП. Этот лозунг далеко не случайно определяют как «главное орудие в руках Сталина в деле проведения культурной политики» [Добренко, с. 147]. Так, известно, что на четвертом пленуме РАППа, прошедшем в конце 1931 г., одним из ораторов было высказано пожелание, чтобы «пролетарское литературное движение быстрее смогло осуществить ту путевку, которую партия вручила РАПП: “создать Магнитострой литературы”, создать произведения, достойные нашей величайшей эпохи!» [За Магнитострой ..., с. 4–5]. Или еще пример: писатель и рапповский деятель Ю. Либединский в декабре 1931 г. на партийной конференции Московского района в Ленинграде произнес: «Партия дала нам... установку. Она сказала нам: создайте “Магнитострой литературы”. Что значит “Магнитострой литературы”? Это значит суметь создать такие произведения, которые так же переворачивали бы человеческую психику по-социалистически, как по-социалистически переворачивают нашу страну такие мощные строительства, как Магнитострой» [Цит. по: Андреева, с. 239]. Магнитострой в подобном контексте выступал символом развернувшихся процессов индустриализации, грандиозным проектом, воплощаемым ускоренными темпами в жизнь. Тождественной грандиозности ждали от литературы подхватившие лозунг деятели РАППа, сделавшие ставку «на оформление непрофессионального литературного творчества рабочих в “могучий” канал трансляции ценностных норм “нашей идеологии” в массовое сознание» [Милюкова].

Передовица пилотного номера свердловской газеты гласила: «Литературное движение на Урале уже сейчас охватывает свыше полутора тысяч ударников строек, заводов, полей. Этот могучий рост новых твор-

ческих литературных кадров, особенно усилившийся после смены Уралобкомом ВКП(б) оппортунистического руководства УралАПП, вплотную привел нас к тому моменту, когда “столичный период литературы заканчивается” и создаются новые литературные центры. Урало-Кузбасс имеет все предпосылки для того, чтобы в ближайшее время стать новым крупным литературным центром» [На высший этап, с. 1]. «Газета должна стать организатором широкого творческого соревнования литературных организаций и различных творческих группировок Урало-Кузбасса, боевой трибуной творческих дискуссий, непримиримым бойцом против кастовой замкнутости, групповщины, администрирования, отрыва от политических задач современности <...>

За боевое выполнение решений ЦК ВКП(б)!

За генеральную линию партии!

За Магнитострой литературы!» [На высший этап, с. 1]

Очевидно, что газета брала на себя функцию официального рупора УралАПП и распорядителя литературного движения на Урале и – в перспективе – на Урало-Кузбассе, мыслящемся в духе утопических проектов эпохи как литературный центр, лаборатория пролетарской литературы.

Появление первого номера газеты в апреле 1932 г. обозначило еще один важный процесс, запущенный постановлением ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», основными пунктами которого стали ликвидация РАППа и объединение советских писателей в союз «с коммунистической фракцией в нем» [О перестройке ...]. Только что изменившая свою работу Уральская ассоциация должна была включиться во всесоюзную перестройку литорганизаций и самоликвидироваться. Уже в шапке четвертого номера газеты УралАПП заменили на Оргкомитет СП, который в региональной его части возглавил тот же Н. Харитонов, – суть и функционал руководства литературой не поменялись. «Союз писателей продолжал действовать как РАПП, даже сохранив многие ведущие рапповские кадры» [Добренко, с. 149]. Уральский оргкомитет СП унаследовал уралапповскую идею создания литературного центра в регионе и частично отстроенную сеть рабочих групп и кружков на предприятиях. С помощью газеты и в целом возвращаемого и поддерживаемого института региональной литературной критики Оргкомитет продолжил внедрение политики в культуру,

по сути, проведение политических акций, ибо, как формулировал один из руководителей РАППа В. Ермилов, «пролетарская литература должна иметь такую критику, которая не будет плестись в хвосте литературных процессов, а будет активно руководить ими» [Ермилов, с. 248].

Само апрельское постановление ЦК ВКП(б) было напечатано на первой полосе только появившейся газеты, упоминалось в каждом номере 1932 г., превратившись в своего рода официальный фактор, легитимирующий руководящую деятельность как Оргкомитета СП, так и его печатного органа.

По сути, газета, с одной стороны, отражала литературную жизнь региона во всем ее регламентированном многообразии, с другой, по мере своих возможностей формировала ее. Тираж издания колебался от 2 до 5 тыс. экземпляров, охватывая не только 1,5 тыс. ударников, о которых говорилось в передовице первого номера, но и тех, кого УралАПП, а затем Оргкомитет СП планировали привлечь к литературной деятельности, в том числе представителей региональных властей и руководителей производства, где функционировали или могли быть организованы литкружки. Шел во многом бюрократический процесс сшивания литературного поля региона.

Напомним, что специфика работы региональной АПП и Оргкомитета СП состояла в большей степени в организации и курировании литературных групп и кружков на предприятиях. В каждом номере «За Магнитострой литературы» публиковались материалы обзорного характера, будь то обзор творчества Златоустовской АПП (1932, № 1), Челябинского тракторостроя (1932, № 3), деятельности литгруппы Уралмаша (1932, № 3), кизеловской группы (1932, № 5, № 6) и т. д. Материалы подобного рода позволяли ячейкам выстраиваемой литературной сети отражать другие ячейки и осознавать свою включенность в общую сеть. Мобильный формат газеты, выходящей без особой периодичности 2–3 раза в месяц, в этом отношении имел большой потенциал для создания ощущения единого производственно-литературного пространства, что отличало его от формата толстого журнала (см. ежемесячный свердловский «Штурм»), нацеленного на публикацию в первую очередь художественных текстов.

При этом газета неизменно осуществляла ротацию элементов сети. Скажем, в одних и тех же номерах могли выделяться передовые литера-

турные группы (Магнитогорск, Златоуст, Уралмаш и пр.) и стигматизироваться отстающие. Так, в разделе новостей № 2 за 1932 г. читаем: «Пермская АПП до сих пор не имеет освобожденного работника. Нет у ней и определенного места, где можно было бы собираться...» Или: «Ничего не делает для создания истории заводов Кизеловская АПП. Руководство отговаривается тем, что, дескать, актив очень разбросан, и не принимает мер к установлению регулярной связи...» Или более серьезная критика: на первой полосе № 6 за 1932 г. отмечалось, что Тагил, Лысьва, Кыштым, Березники, Викулово «слабо реализуют постановление Уралобкома» о перестройке литературных организаций на Урале. Предполагалось, что указание газеты на отставание в той или иной сфере должно быть воспринято конкретными кружками или их кураторами от власти как прямое руководство к действию по устранению недочетов. Формы указания, в свою очередь, были разнообразны: от новостей до критических разборов, от полномасштабных статей до «писем с мест»: «На станции Верещагино литературный кружок существует с октября прошлого года, но работы почти никакой не ведет, собраний кружка не было уже два месяца. Начинающие писатели обращались в райпрофсовет и райком ВЛКСМ с просьбой выделить руководителя. Результаты от их странствований по организациям получились весьма плачевными, руководителя они не получили, не говоря о средствах и помещении. <...> Бюрократическое отношение местных организаций и отдельных товарищей тормозит творческий рост верещагинских писателей...» [«Не суйтесь», с. 3] Газета позволяла литературному руководству области обозначать зоны неблагополучия и влиять в том числе на представителей власти на местах. Вот он, инструментально-политический характер рапповской критики, о котором писал Е. Добренко [Добренко, с. 156].

Помимо прочего, руководство группами и кружками требовало от уральской писательской организации проведения смотров и обследований, материалы которых неизменно наполняли содержательную часть газеты. Например, в сентябре 1932 г. представитель Оргкомитета СП РСФСР Батманов обследовал всю региональную литературную организацию и озвучил результаты на расширенном региональном пленуме: «Что происходит на Урале после постановления ЦК? Я не ошибусь, если скажу, что на Урале наметился, определился такой размах творчества,

которого не знает ни один край Союза. <...> В этом отношении состояние литературной организации Урала – чрезвычайно хорошее» [Урал должен стать, с. 1]. Показателями успеха в данном докладе, поддерживающем проект создания литературного центра на Урале, стали большое количество материалов, присланных в редакции региональных журналов, и доминирование в них производственной тематики. Разумеется, сторонний куратор не выявил действительных проблем региональной литературы, связанных с качеством созданных произведений и невысоким уровнем художественного мастерства большей части писателей от станка. Однако любопытно, что наиболее провальными местами в работе уральского оргкомитета Батманов посчитал недостаточную помощь литкружкам и в целом неинтенсивную литературно-критическую деятельность в регионе. А ведь именно для осуществления этой деятельности была создана специализированная литературная газета в Свердловске, влияние которой должно было ощущаться по всему Уралу.

Про «За Магнитострой литературы» Батманов сказал: «В литературной газете самые главные недостатки – слабое освещение практической работы на местах, отсутствие редакционного плана» [Там же]. Газете не оставалось ничего, кроме как напечатать критику в свой адрес.

Тем не менее сложно согласиться с Батмановым по поводу слабого освещения практической работы на местах: именно этим преимущественно и занималась свердловская газета. Но редакционного плана у нее действительно не было, ибо «За Магнитострой литературы» четко следовала повестке, предлагаемой руководителями литературного движения, формирующейся на пересечении всесоюзных тенденций и запросов региональных властей.

В связи с заявленной руководящей ролью тематический охват издания был предельно широк. В центре внимания оказывались целые области уральской литературы, как, например, детская литература (см.: П. Соломеин «Шире развернуть смотр детской литературы» в № 2 за 1932 г., К. Рождественская «Детям – художественную книжку» в № 5 за 1933 г. и т. д.); оборонная литература («Художественную литературу – на защиту Страны советов» без подписи в № 8 за 1932 г., В. Пястов «Писатели Урала! Помните о призыве в РККА!» в № 11 за 1932 г., «Писатели к юбилею Красной Армии» без подписи в № 3 за 1933 г. и т. д.); драматур-

гия и театральное искусство («Открытое письмо коллективу Свердловского ТРАМа» от делегатов уральского критического совещания в № 2 за 1932 г., Ю. Исаков «Заговорить во весь голос. Об уральской драматургии» в № 6 за 1933 г. и т. д.). Здесь же освещалась деятельность Областного государственного издательства (В. Бойцова, К. Огнева «Повернуть ОГИЗ лицом к гиганту» в № 4 за 1932 г., «За высокое качество продукции УралГИЗа» без подписи в № 15 за 1932 г., «Рамки тесны» без подписи в № 17 за 1932 г.), ставились вопросы развития уральской критики и публиковались рецензии на журналы и книги.

Широкий тематический охват и установка на выявление проблемных мест в региональном литературном движении обусловили специфику организации материала в газете, блочность как принцип подачи информации, а также появление специализированных номеров. В сентябре 1932 г. вышел горьковский номер, посвященный 40-летию литературной деятельности писателя. А № 2 за 1933 г. был практически полностью отдан под публикацию доклада Сталина на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 г., в котором подводились итоги первой пятилетки. Публикация материалов тематическими блоками – детский, оборонный, театральный и т. д., – всякий раз указывала на некое отстающее звено в региональной литературе, на область, требующую приложения усилий, в том числе усиленного руководства.

Сами материалы газеты зачастую представляли собой «критику прямого политического действия»¹ (мы не будем рассматривать художественные тексты, которые иногда появлялись на ее страницах). Это определило востребованность триады «отчет, призыв и директива», обусловившей жанрово-интенциональное своеобразие газетных текстов, иногда, впрочем, разбавляемое инвективами. О чем бы ни сообщалось в «За Магнитострой литературы» – о производственном совещании критиков, о приезде на Урал зарубежной делегации писателей во главе с Л. Арагоном, о необходимости поддержки проекта «История Гражданской войны», о постановке пьесы «На-гора» в Свердловском

---

¹ «Особенность рапповской критики состояла в том, что она была не просто критикой прямого политического (а нередко – и террористического) действия, какой вообще была критика революционной эпохи, но критикой, опиравшейся на партийно-государственные институции» [Добренко, с. 157].

ТРАМе и т. д., – материалы были отмечены перфомативностью, заданной сложившимся в рамках рапповской критики прагматизированным дискурсом. К примеру, о слабом звене – уральской критике – в преддверии совещания критиков в апреле 1932 г. А. Ладейщиков писал: «До сих пор на Урале не было подлинно боевой, большевистской литературной критики, несмотря на то, что в УралАПП имелись довольно квалифицированные силы (члены кафедры литературы УКУ). <...> В Свердловске имеются возможности создать серьезный критический актив» [Ладейщиков, с. 2]. «Критик должен и обязан бороться за идейную непримиримость, за высокое качество нашей литературы, за методы этой борьбы...» – подчеркивалось в другой статье, помещенной на первой полосе № 19 [О задачах ...].

Директивно-руководящий характер газеты наиболее очевидно проявил себя в проведении ряда литературно-политических кампаний, отвечающих запросам времени. Пример тому – интенсивная кураторская работа по реализации в регионе горьковского проекта «История фабрик и заводов», запущенного осенью 1931 г. и полноценно развернувшегося в 1932 г. Как провозгласил сам Горький, обращаясь к самым широким массам, «“История заводов и фабрик” – это будет история вашего труда в прошлом и настоящем. Эта работа должна развить и укрепить сознание того факта, что вы – единственные хозяева вашей страны, что все, что вы строите, строится вами для самих себя, для полного удовлетворения всех ваших потребностей, для развития в Союзе Советов новой, вами создаваемой социалистической культуры» [Горький]. Таким образом обозначалась политическая прагматика проекта, а его реализация имела прямое политическое значение, что подчеркивалось и в специальном Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) об издании «Истории заводов», утвержденном 10 октября 1931 г. [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 853, л. 12.]. На Урале, имеющем и горнозаводскую идентичность, и существенное революционное прошлое, проект был воспринят с энтузиазмом, поддерживаемым, впрочем, поставленными региональной властью целями. Уже в первом номере «За Магнитострой литературы» публикуется статья журналиста и писателя А. Маленького (Попова), в которой приводится подробный план действий по созданию истории Надеждинского завода: «Книгу и отдельные главы по мере написания мы будем прорабатывать

на заседаниях рабочих, чтобы каждому ударнику была обеспечена возможность участвовать в создании истории завода» [Маленький, 1932б, с. 3]. Статью сопровождает фрагмент одной из глав книги: «А завод уже вылез, выстроился шеренгами цехов над землей. В январе 1896 г. закурилась над городом мартеновская труба» [Маленький, 1932а, с. 3]. На этой же странице помещена информация о решении Сталинского райкома ВКП(б) о создании истории Уралмаша.

По сути, реализация горьковского проекта, воспринимаемого как прямая политическая задача, освещается практически в каждом номере газеты. № 2: постановление партконференции ВИЗа о создании истории завода. № 3: литкружковцы УМЗ Набоков и Мулев обещают усилить работу по истории фабрик и заводов; на другой странице – отрывок из вступительной главы «Истории Надеждинского завода». № 4: статья М. Горького «Ускорить создание “Истории заводов”» и т. д. Программными для уральской части проекта становятся статья Н. Харитонова «Создать историю заводов Урала» в № 9 за 1932 г. и доклад Н. Шушканова «Напишем большую историю заводов» в № 1 за 1933 г.

Из обзорной статьи Н. Харитонова известно, что, помимо надеждинцев и уралмашевцев, за историю заводов взялись рабочие Златоуста, Кыштыма, Невьянска, Юрюзани, Первоуральска. Надеждинск, Златоуст, Уралмаш и ВИЗ оказались литературными передовиками, именно на них сделало ставку руководство Оргкомитета СП на Урале. Публикацию доклада Н. Шушканова, «органически» влившееся в проект в январе 1932 г. и работавшего вплотную с М. Горьким [Быстрова, с. 14–24], предваряет размещенное на первой странице газеты Постановление Секретариата Уралобкома ВКП(б), расценивающее создание «Истории фабрик и заводов» как массовую политическую кампанию, имеющую к январю 1933 г. неудовлетворительный результат, и призывающее приложить особые усилия по созданию истории заводов тех же Надеждинска, Златоуста, и – новая задача, поставленная перед уральцами непосредственно М. Горьким, – Магнитогорска. Н. Шушканов подчеркивает: «Если не будет написана история Магнитогорского завода, это будет означать, что Урал не сделал главного, что Урал почти ничего не сделал». В целом в своем докладе Н. Шушканов, по совместительству автор очерков по истории Златоустовского завода, делает обзор всесоюзных результа-

тов проекта и разбирает невысоко оцененные Уралобкомом результаты. Писатель указывает на легковесную и «залихватскую» работу некоторых региональных авторов (это пока не касается А. Маленького), но неожиданно выделяет автобиографический текст старой работницы А. Коревановой, обозначая его как «изумительной силы документ». Между тем именно «Моя жизнь» А. Коревановой, впервые опубликованная в свердловском журнале «Штурм» в 1933 г., будет замечена и отредактирована М. Горьким, а затем выпущена в серии «История фабрик и заводов» в 1936 г. тиражом 30 тыс. экземпляров, наряду с тагильскими «Былями горы Высокой» (рассказы рабочих Высокогорского железного рудника), увидевшими свет даже раньше, в 1935 г., но практически оставленными без поддержки газеты.

Содержательно-прагматическую повестку газеты определили и менее масштабные литературно-политические кампании. Стоит обратить внимание на критику и последующую реабилитацию «Резца» на страницах издания. Под таким названием в 1924–1939 гг. выходил двухнедельный литературно-художественный журнал, курируемый до постановления 1932 г. Ленинградской ассоциацией пролетарских писателей. Ленинградский журнал имел влияние на литературу в регионах: за его публикациями внимательно следили, на его страницы старались попасть. В сентябре 1932 г. «За Магнитострой литературы» (№ 11) публикует статью «“Резец” должен поднять качество воспитательной работы», в которой от имени литорганизаций Урала обозначаются серьезные политические ошибки, допущенные журналом за последние 5 месяцев. Одна из претензий «уральцев», например, сводится к тому, что «со страниц журнала в прошлом году провозглашалась теория двух струй в пролетарской литературе, со страниц журнала в прошлом году распространялся вреднейший вульгаризаторский лозунг: “союзник или враг”», и эта тенденция до сих пор не преодолена. Кроме того, журнал «безапелляционно захваливает» поэта Садофьева, а критика, которую он публикует, не «вскрывают основные тенденции произведений».

Автор/авторы резкой газетной статьи показывает/показывают довольно детальное познание в той литературе, которая появляется и обсуждается на страницах ленинградского журнала и подчас носит сугубо городской характер. Это неизбежно наводит на мысль, что статья вряд

ли могла быть написана уральцами и вряд ли в силу дерзновенности критических высказываний могла остаться без последствий.

Действительно, передовица № 13 полностью посвящена критике статьи о «Резце» и разоблачению ее автора, имя которого мы узнаем из материала «Чумандрин и его “творческая” группа». Это некто товарищ Шнейдер, являвшийся больше двух лет членом ленинградской рапповской группы «На литературном посту». Здесь же приводится стенограмма покаянного выступления Шнейдера на заседании фракции Оргкомитета СП Урала, где он решительно отрещивается от ленинградской групповщины, обвиняя руководителей АПП Чумандрина, Либединского и пр. в нежелании перестраивать работу в соответствии с Постановлением 1932 г. Все это аранжируется статьями (в том числе перепечаткой из «Правды»), утверждающими, что «Чумандрин, Евсеев и их фракционный уральский лазутчик Шнейдер до сих пор еще пытаются кого убедить, <...> что вне их установок советская литература свернется, перестанет развиваться и т. д.» и определяющими статью Шнейдера как «неслыханную клевету на перестраивающийся журнал». «Нашим лозунгом будет борьба за большевистскую партийность, против оппортунистических и политиканских извращений линии партии на фронте социалистической литературы и культуры», – заключают защитники «Резца».

Понятно, что свердловская газета, опубликовавшая статью Шнейдера, написанную от имени уральцев, оказалась невольной втянута в литературную борьбу, не имеющую к Уралу прямого отношения. Однако показательно, что именно статья стала заметным событием литературной жизни в регионе и вызвала реакцию литературного руководства, четко придерживающегося заданного центром литературно-политического курса.

Еще одной кампанией, проявившейся на страницах издания, становится массивная критика литературного отделения Пермского педагогического института. Так, в № 3 за 1932 г. опубликован доклад Крементьева (вероятно, в газете опечатка, доклад мог сделать критик и свердловский преподаватель Н. Клементьев) «Литературное дело – общепролетарское дело» с подзаголовком «Изгнать Горбачевых, Лежневых, Рыбниковых из учебных программ. Создать на Урале кузницу большевистских теоретических кадров литературы», в котором ставится вопрос о подготовке педагогов – преподавателей литературы

и языка. Задача для Свердловска весьма актуальная. К. Боголюбов вспоминает, в каком авральном режиме работал свердловский комвуз в 1920–1930-е гг.: «Несмотря на громкое название “университет”, в нем обучались коммунисты и комсомольцы с разным образовательным уровнем. В основном окончившие лишь начальную школу» [Боголюбов, с. 83]. Пермский институт в докладе Крементьева обозначается не как крупнейшее на Урале учебное заведение, имеющее мощные традиции преподавания, а как прибежище «реакционеров всех мастей». «Проф. Богословский – ярый реакционер, – снятый сейчас с работы, протаскивал контрреволюционные, кулацкие идеи в сборниках, посвященных фольклору. В Перми долго работал профессор Василий Гиппиус, буржуазный формалист, совершенно открыто не признававший марксистского литературоведения, марксистской теории. Работает в Пермском институте профессор Бочкарев, идеалистические программы которого получили очень жесткую критику». «Совершенно ясно, – указывается далее, – каково было качество преподавания в этом институте. И далеко не случаен тот факт, что наш литературный журнал “Штурм” получает сейчас из Перми идеологически вредные стихотворения и рассказы».

Идеологически вредный результат из Перми не заставил себя долго ждать. В № 17 за 1932 г. появляется рецензия И. Бахтамова на сборник Пермского союза советских писателей «Призыв», где высказывается негодование по поводу состава сборника, в котором, помимо текстов литударников, были опубликованы произведения товарищей Эсаулова и Коновалова из Пермского пединститута. Про повесть Эсаулова «Пылающие дни» И. Бахтамов говорил следующее: «Мы совершенно не сомневаемся, что товарищ Эсаулов, являющийся одним из активных работников Пермской писательской организации, не собирался вызвать <...> сочувствие белым <...> Но его политическая нечуткость и неграмотность привела к тому, что он написал повесть с вредным и ненужным для нас содержанием». Таким образом, Пермский пединститут еще раз маркируется как оплот реакции на Урале и приобретает репутацию литературного врага, с которым необходимо и в конечном счете выгодно вести войну: враг не обладает инструментами власти, он политически слаб.

Отголоски этой войны встречаем и в номерах 1933 г. (№ 3 и № 4), где снова заходит речь о сборнике «Призыв» и попытках защитить его

в газете «Большевицкая смена» аспирантами литературного отделения Пермского пединститута М. Ощепковым и Н. Пановым. Против них выступает свердловский критик и преподаватель И. Астахов, усомнившийся в умении аспирантов разбираться в литературе. «Пермское дело нужно сделать показательным и в смысле необходимости улучшения партийного руководства участком литературы, и в смысле руководства газет...» [В порядке дня, с. 1] – резюмировал выступление И. Астахова Н. Харитонов, придавая тем самым некую целостность литературно-политической кампании. Вся эта полемика свидетельствовала об очевидном нежелании Свердловска, отстраивающего свои вузы, иметь образованных конкурентов на nive литературной критики, столь очевидно формирующей региональный литературный процесс.

Все эти войны свидетельствуют также и – главным образом – об отсутствии интереса у литературного руководства области и у газеты к самой художественной литературе. Очевидный идеологический диктат, который осуществлялся в газете и с помощью газеты, делал несостоятельным любой возможный разговор о художественности и литературном мастерстве. Стоит ли говорить, что шедевров на Урале в начале 1930-х гг. так и не появилось, а сам Урал так и не стал тем литературным центром, о котором мечтало одержимое экспансионистскими идеями руководство СП.

Свердловская газета просуществовала до марта 1933 г. и перестала функционировать, когда процесс перестройки региональных литорганизаций окончательно оформился (в последнем номере газеты опубликован устав ССП), а запрос на мобилизацию ударников на предприятиях и руководство литкружками уже не был, как прежде, острым. Центральным печатным органом в регионе остался журнал «Штурм». Кроме того, магнитогорский журнал «Буксир» еще с 1932 г. получил то же самое название, что и свердловская газета. Таким образом, без Магнитостроя литературы Урал не остался.

Андреева И. В. Писатель Ю. Н. Либединский в 1930-е гг.: реконструкция контекста как основа музейной экспозиции // Литературный музей в современном мире. Екатеринбург : ОМПУ, 2011. С. 237–244.

Боголюбов К. В. Годы и встречи. Воспоминания. Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1975.

Быстрова О. В. «История фабрик и заводов»: по материалам переписки М. Горького и Н. Шушканова // М. Горький: уроки истории. Горьковские чтения 2014 года. Нижний Новгород : БегемотНН, 2016. С. 14–24.

В порядке дня. С заседания оргкомитета // За Магнитострой литературы. 1933. № 3.

Горький М. История фабрик и заводов // Правда. 1931. 7 сентября.

Добренко Е. А. Становление института советской литературной критики в эпоху культурной революции: 1928–1932 // История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи. Москва : НЛО, 2011.

Ермилов В. За плехановскую ортодоксию // С кем и почему мы боремся. Москва ; Ленинград : ЗиФ, 1930. С. 238–248.

За Магнитострой литературы! Комсомол и РАПП рука об руку будут бороться за произведения, достойные нашей эпохи (из речи тов. Троицкого на пленуме РАПП) // Смена. 1931. № 212. С. 4–5.

Ладейщиков А. Лицом к конкретной критике // За Магнитострой литературы. 1932. № 1. 28 апреля.

Маленький А. Бараки // За Магнитострой литературы. 1932. № 1. 28 апреля.

Маленький А. Надеждинск передает опыт // За Магнитострой литературы. 1932. № 1. 28 апреля.

Милюкова Е. В. Культурное самоопределение провинции в самодельной литературе Южного Урала советского периода : дис. ... канд. культурологии. Москва : РГГУ, 2006. URL: <http://www.dissertat.com/content/kulturnoe-samoopredelenie-provintsii-v-samodeyatelnoi-literature-yuzhnogo-urala-sovetskogo-p> (дата обращения: 12.02.2018). Текст : электронный.

На высший этап // За Магнитострой литературы. 1932. № 1. 28 апреля.

«Не суйтесь» // За Магнитострой литературы. 1933. № 5. 29 января.

О задачах литературной критики // За Магнитострой литературы. 1932. № 19. 25 декабря.

О перестройке литературно-художественных организаций : постановление // За Магнитострой литературы. 1932. № 1. 28 апреля.

Постановление Секретариата Уралобкома ВКП(б) от 4 января 1932 года о решении фракции УралАПП // Штурм. 1932. № 1. С. 1.

Урал должен стать опорным пунктом работы всего Союза советских писателей // За Магнитострой литературы. 1932. № 11. 16 сентября.

Урал – Сибирь – Кузбасс. Организовать творческое соревнование // За Магнитострой литературы. 1932. № 1. 28 апреля.

Харитонов Н. Оправдать звание ударников Магнитостроя литературы // Штурм. 1932. № 1. С. 4–9.